

Наука ли история науки?

На приёме в здании горсовета автор этих строк разговорился с одним из участников конгресса. Он занимается биотехнологией (кажется, в Оксфорде), а в свободное время читает научно-популярные лекции (подобные тем, которые проводились у нас раньше под эгидой общества «Знание») в вечернем университете. На съезде историков науки этот учёный попал впервые, слушал доклады с интересом, но с удивлением отметил, что никакой науки (в его понимании) тут нет. Эта же проблема была озвучена в открывавшей конгресс пленарной лекции президента Британского общества истории науки профессора Хасока Чанга (Hasok Chang, Великобритания) «Возвращение науки в историю науки». Как отметил Чанг, многие историки науки, окончившие гуманитарные факультеты, понятия не имеют о содержании изучаемого предмета, то есть о самой науке, которая является не только социокультурным феноменом, но и эпистемологической практикой (т.е. совокупностью знаний и умений). Свободный от содержания, (content-free) анализ науки не может быть ядром дисциплины, называемой «историей науки», считают «рассерженные интерналисты». Историки науки должны, прежде всего, быть подготовленными историками, владеющими методами исторического исследования, возражают «нетерпеливые контекстуалисты». Война между теми, кто делает акцент на содержании, и теми, кто выдвигает на первый план роль контекста, продолжается. Дихотомии между «наружным» (external) (т.е. социальным и культурным) и «внутренним» (internal) (т.е. интеллектуальным и рациональным), практикой и теорией Чанг называет ложными. На самом деле, внутренним (т.е. совокупностью общепринятых в науке положений или парадигм) является то, что было интернализовано тем или иным эпистемологическим сообществом. Подчёркивая приоритет содержания изучаемого историком науки предмета, Чанг остроумно проводит параллель с историком искусства: чтобы понимать проблемы, с которыми сталкивались художники изучаемого периода, историк искусства сам должен обладать эстетическим чувством, быть знатоком (connoisseur). Борясь с презентизмом (т.е. с осовремениванием прошлого, от англ. present – настоящее время), историки науки зачастую утрачивают здравый смысл. «Притворная нейтральность стала защитным укрытием для историков, но мы в нём более не нуждаемся», – утверждает Чанг. Историки неизбежно укоренены в настоящем, продолжает он. Проблема в том, какую часть или какую версию настоящего мы выбираем в качестве собственной платформы. Каковы же функции истории науки, требующие знания научного содержания? Среди них Чанг упоминает понимание случайного развития научного знания, изучение научных методов, уважительное отношение к прошлому научному знанию и стимуляцию нового научного знания, обогащение научного образования, наведение мостов между «двумя культурами» (наукой и искусством) и «подвержение авторитета учёных сомнению».

Формат пленарной лекции не предполагает задавания вопросов. А они, конечно же, возникают. Например, что считается наукой в данный исторический период? Была ли ею, например, средневековая астрология? Что такое «прикладная наука»? В разные периоды в это понятие вкладывался различный смысл. Примером такой «прикладной науки» в XX веке является евгеника, которой была посвящена на конгрессе отдельная сессия.

Из прозвучавших докладов следует, что в развитие этой «науки» ключевую роль играла идеология и политика (особенно отмечу выступление Брайда Гарта (V.Hart, США) об источниках финансирования евгенических программ и организаций). Популяризатором евгеники в Великобритании был сэр Джулиан Хаксли – первоначальный расист и популяризатор науки и второсортный учёный, ставший первым генеральным секретарём ЮНЕСКО (ему был посвящён доклад Грэма Бейкера (G.Baker, Великобритания).

зилию (из Франции) и внедрившей в этой стране тестирование интеллекта школьников. А Гюль Рассель (G.Russel, США) рассказала о почти 200 учёных, деятелях культуры и врачах из Германии (в основном речь шла о немецких евреях, оказавшихся после прихода нацистов к власти безработными), приглашённых в 1930-е годы в Турцию. Режим Ататюрка проводил политику вестернизации страны, включавшую реформу высшего образования. Иностранцам специалистам были предложены высокие зарплаты,

чем различий. Что такое наука? Кто решает, что является наукой, а что – нет? Эпистемологически, считает Стёрди, медицина и наука неразделимы. Противопоставление «научной медицины» и «искусства врачевания» носит риторический характер.

Отметим доклад Ирины и Дмитрия Гузевичей (Франция), посвящённый литографии как новому способу научно-технической коммуникации (прозвучал на симпозиуме по новым историографическим подходам к науке и технике). С 1816 г. появилась

Кропоткин написал свою работу «Взаимопомощь как фактор эволюции», которая в расширенном виде была посмертно опубликована в книге «Этика». И Дарвин, и Кропоткин подчёркивали, что принятие точки зрения другого является естественной эволюционной стратегией, образуя фундамент современных понятий долга и справедливости. Но лишь после Второй мировой войны появились эмпирические подтверждения этих взглядов в опытах на обезьянах, которые распознавали гримасы боли у своих сородичей в соседних клетках и пытались облегчить их страдания даже ценой собственных неудобств. Словом, назад, к Дарвину. Интересно, что в XX веке частота употребления «симпатии» неуклонно снижалась, а «эмпатии», наоборот, увеличивалась. Наверное, многие положения медицинской этики могут быть пересмотрены с эмпатической точки зрения.

Экспериментальная религия

О симпатии также упоминалось на весьма необычном симпозиуме «Теология на службе науки / Наука на службе теологии». Он начался с обсуждения недавно изданной книги Питера Гаррисона (P.Harrison) «Экспериментальная религия и экспериментальная наука в Англии в раннее Новое время» и продолжился докладом Сораны Корнеану (S.Corneanu, Румыния) «Медицинское использование бессмертия души в позднем Ренессансе». Медицинизированный взгляд на человеческие грехи и добродетели в этот период связан с идущей от Галена традицией. Она предполагала, вопервых, идею локализации души в теле. Во-вторых, признавала гетерогенность функций души. В-третьих, утверждала взаимное (а не одностороннее) влияние души и тела и провозглашала автономный источник душевной активности. Например, один из авторов того времени сравнивал неудобства, причиняемые телом душе, с расстроенной лютней, даваемой в руки музыканту. По словам Эразмуса, «сейчас врач заботится не только о теле, которое является низшим элементом человека, но и занимается лечением всего человека. Подобно тому, как теолог начинает с души, врач начинает с тела. Кто может лучше убедить больного, что если он хочет выздороветь и выгнать от врачебного искусства исцеления, то он прежде всего должен очистить от греха свою душу».

К сожалению, докладчик не смог привести определения души, лишь ограничившись перечислением её свойств. Отдельная сессия была посвящена истории онкологии. В частности, Карстен Тиммерман (C.Timmerman, Великобритания) посвятил свой доклад борьбе с резистентностью в истории лечения рака лёгких. Историки медицины предпочитают описывать прогресс медицинской науки, мало обращая внимания на историю неудач и разочарований. Примером такой истории является изучение рака лёгких в Великобритании. За последние три десятилетия шансы на выживание больных с диагнозом «рак лёгкого» практически не увеличились. Хирургия как основа лечения этой патологии осталась той же, что в середине XX века. Попытки химиотерапии, успешные в случае рака других локализаций, при раке лёгких оказались провальными (за исключением психотерапевтического эффекта от самой процедуры лечения). Как клинические исследователи и больные реагировали на безуспешные попытки борьбы с неподдающейся лечению болезнью? Оказывается, по-разному – от

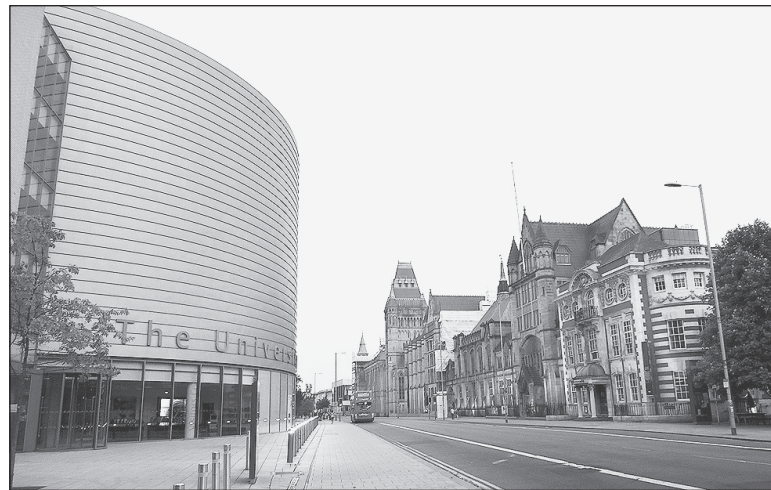
Деловые встречи

Рабочее знание

Под таким девизом состоялся XXIV Международный конгресс истории науки, техники и медицины

Международные конгрессы историков науки и техники (а теперь и медицины) собираются раз в четыре года (см. «МГ» № 75 от 05.10.2001 и № 63 от 26.08.2009). Каждый из них проходит под своим девизом. Тема нынешнего форума называлась Knowledge at work, что можно перевести как «Рабочее знание» или «Знание на службе». Вопрос в том, на чьей оно службе. Этот конгресс был самым масштабным. В его программу было включено около 1400 докладов, прозвучавших на 421 сессии, а чис-

ло зарегистрированных делегатов из более 60 стран мира составило 1758. Он был блестяще организован Центром истории науки, техники и медицины Манчестерского университета. Темы сессий охватывали все регионы мира, все научные дисциплины, все исторические периоды, все методики исторического исследования. Среди 9 официальных языков конгресса доминировал, конечно, английский. Попробуем резюмировать некоторые доклады и дискуссии.

Пересекая границы

Можно ли рассматривать медицину прошлых веков как прикладную науку? Значительная часть сообщений конгресса была посвящена вопросам истории медицины. Симптоматично, что слово «медицина» в его названии появилось впервые.

История науки и история медицины имеют много общего, что и продемонстрировал конгресс. Например, историк науки Анна Перлина (Германия) и историк медицины Франк Станиш (F.Stahnisch, Канада) совместно организовали симпозиум, посвящённый миграции учёных и врачей в XX веке. Большевик, нацизм и фашизм, две мировые войны и «холодная война» послужили причиной вынужденной эмиграции десятков тысяч учёных и врачей. Франк Станиш давно изучает немецкую язычную научную эмиграцию в США и Канаду после прихода нацистов к власти в Германии в 1933 г. Например, в США эмигрировало 6 учеников известного немецкого психиатра и невролога Карла Бонхёффера. Процесс аккультурации был длительным и болезненным, и зависел от ряда факторов – пола, возраста, знания английского, специальности.

Эмиграция обычно рассматривается как «утечка мозгов» (brain drain), но для принимающей страны она, наоборот, является их обретением (brain gain). Цезарь Рота Младший (C.Rota Junior, Бразилия) продемонстрировал это на примере русского психолога Елены Антиповой (Helene Antipoff), эмигрировавшей в 1937 г. в Бра-

впятеро превышавшие доходы их турецких коллег, но это были пятилетние контракты с возможностью последующего продления. Турецкое гражданство автоматически не предоставлялось. В своих мемуарах эмигранты описывают испытываемые ими чувства неуверенности в завтрашнем дне, отчуждения и изоляции («золотая клетка»). После окончания Второй мировой войны почти все они разъехались в разные страны (в основном в США и Палестину), но их вклад в развитие Турции трудно переоценить. Филармонический оркестр, оперный театр и музей скульптуры в Стамбуле – все эти учреждения появились благодаря немецким евреям.

Два других доклада симпозиума были посвящены миграции экспериментальных физиков в астрономию. Благодаря «холодной войне» и соперничеству с СССР космические исследования в США получили приоритетное финансирование и привлекали радиоастрономии специалистов из других областей. С блестящим комментарием по поводу сходства и различия дисциплинарных мигрантов и политических эмигрантов выступил Алексей Кожевников (Канада).

Вообще следует отметить, что порой выступления комментаторов были интереснее самих докладов. Например, симпозиум, посвящённый взаимоотношениям науки и медицины, был прокомментирован Стивом Стёрди (S.Sturdy, Шотландия). На самом деле, между ними (наукой и медициной) гораздо больше общего,

возможность быстро тиражировать учебные материалы литографским способом (на плоской печатной форме писался от руки текст, а затем размножался), а типолитографский процесс 1839 г. позволил копировать старые тексты, изданные или написанные на бумаге или пергаменте без разрушения самих этих текстов, то есть окончательно сравнял возможности литографии с нынешним ксеро- или фотокопированием.

От симпатии до эмпатии

Весьма любопытным оказался междисциплинарный симпозиум, посвящённый эмоциям. Например, Родри Гейвард (R.Hayward, Великобритания) отметил, что если в 1930-1970 гг. чаще ставился диагноз «тревожное расстройство», то затем стал преобладать диагноз «депрессия». «Эпоха тревоги» сменилась изобретением депрессии», – считает докладчик, и видит за этим не только уши фармацевтических компаний, но и влияние идей эволюционной психологии.

Что такое эмпатия и чем она отличается от симпатии? На эту тему прозвучало два интересных доклада. Сюзан Ланцони (S.Lanzoni, США) рассказала об эмпатии в психологии и американской культуре. Эмпатия – полисемический термин, содержание которого постоянно меняется. Вначале он обозначал кинестетическое чувство, а затем – межличностное явление (принятие психотерапевтом точки зрения клиента). Эрик Джонсон (E.Johnson, Канада) проследил эволюцию идеи морального поведения от Дарвина до наших дней. Термин «эмпатия» (вчувствование) появился в английском языке только в 1895 г. Дарвин пользовался термином «симпатия». В своей теории естественного отбора он рассматривает социальные инстинкты, послужившие источником общих ощущений у группы животных. Основой «морального чувства» он считал удовольствие, которое животное получало от причастности к сообществу и от отождествления себя с ним. Отсюда появился инстинкт взаимопомощи, что способствовало процветанию и росту коллектива. На этой основе в 1902 г. русский анархист Пётр

отчаяния до готовности любой ценой продолжать борьбу. В презентациях биомедицины нет места неудаче, есть безоглядный оптимизм и квазирелигиозная вера в прогресс.

Весёлая наука

Помимо симпозиумов, предложенных участниками конгресса, его организаторы по своему разумению компоновали сессии из принятых докладов (stand-alone papers). Так, автор этих строк с удивлением обнаружил свой доклад о Московском институте нейрохирургии в довоенные годы в программе сессии «Наука, медицина и авторитарное государство», наряду с сообщениями о развитии науки и техники в Республике Корея и о частной медицинской помощи в период НЭПа (1921-1929 гг.).

На последнем сообщении, сделанном Павлом Васильевым (С.-Петербургский институт истории РАН), хотелось бы остановиться подробнее. Советское здравоохранение обычно ассоциируется с так называемой системой Семашко (централизованное управление плюс декларация всеобщего и равного доступа к медицинской помощи). При этом существование частной медицинской помощи и аптек в 1920-е годы не было предметом исторического исследования. По мнению докладчика, она являлась жизнеспособной альтернативой системе Семашко. Причины её упадка были в основном политическими (огосударствление всех сфер экономики). В 1920-е годы частная медицина вносилась в неэффективности и хаотичности. «На самом деле неразбериха, некомпетентность и неэффективность оставались характерными особенностями государственных медицинских и фармацевтических учреждений на протяжении всех лет советской власти», – утверждает докладчик.

Однофамилец докладчика, профессор Константин Васильев (Украина) выступил на сессии «Источники и биография» с докладом о связях Н.В.Склифосовского, произведшего первую успешную овариотомию в Одессе в 1864 г., с английскими и шотландскими хирургами-гинекологами. Кстати, эта же тема (история овариотомии) совсем иначе прозвучала на другой сессии в докладе Салли Фрамpton (S.Frampton, Великобритания), посвящённом конструированию прошлого в хирургии XIX века. Недоумевая, каким образом овариотомия могла приравниваться их предшественниками к преступлению, хирургия Викторианской эпохи обращались к прошлому хирургии как с ностальгией, так и с целью понять её будущее. Возможно ли, вопрошали они, что хирургическое знание станет слишком много? Не повредит ли это хирургической практике? Вопреки устоявшемуся критическому взгляду на исторические экскурсии врачей конца позапрошлого века, Фрамpton показывает, как хирурги пытались осмыслить многочисленные инновации, произошедшие в своей области. «Для хирургов, оказавшихся в ловушке между теорией и практикой, обращение к истории позволило прояснить многие вопросы и, возможно, даже явилось философией хирургии», – утверждает докладчик.

Доклад профессора Дмитрия Балалыкина (Первый Московский государственный медицинский университет им. И.М.Сеченова, Москва) «Преподавание истории медицины как части истории науки» попал в сессию «Роль истории науки, техники и медицины в обучении учёных, врачей и инженеров». В этом докладе, во-первых, предложена единая периодизация истории науки и истории медицины, и, во-вторых, подчёркивается ключевая роль первой научной революции XVII

века как начала науки в современном понимании этого слова. Тезис автора о неравноценности разных эпох и цивилизаций по их вкладу в развитие медицины вызвал вопросы аудитории.

На этой же сессии прозвучало выступление Майкла Гезеловича (M.Gezelowitz, США) о преподавании истории техники будущим американским инженерам. Никто не спорит, что инженерная профессия выигрывает от знания своей истории. Дьявол, как всегда, в деталях (в данном случае, финансовых). Недавно Центр истории Института электрических и электронных инженеров (The Institute of Electrical and Electronics Engineers – IEEE) (крупнейшая международная инженерная ассоциация), в котором докладчик работает, провёл обзор курсов по взаимотношениям общества и техники (включающих вопросы истории техники) в англоязычных инженерных вузах (преимущественно американских). Менее чем в трети из 58 откликнувшихся вузов (опросник рассылался по e-mail) данный курс является обязательным. В половине из этих вузов не было обучения в режиме он-лайн. Большинство респондентов заинтересованы в он-лайн-курсах с акцентом на самостоятельное изучение студентами материала. Вопрос в том, кто эти курсы, за которые не начисляются кредиты, будет финансировать.

Кетеван Купатадзе (Грузия) продемонстрировала аудитории мультимедийную компьютерную программу обучения химии школьников и студентов 1-го курса. Чтобы заинтересовать их в изучаемом предмете, материал преподносится в исторической перспективе. Например, что такое вода? Это основа жизни. Из чего вода состоит? Из водорода и кислорода. Первый элемент был открыт в 1776 г. в Лондоне Кавендишем, а второй в 1774 г. в Лидсе (Пристли) и Уппсале (Шиле). А что в эти годы происходило в Грузии? Какие вопросы здесь решались? Затем показывается видео, воспроизводящее химические опыты или иллюстрирующее значение того или иного элемента таблицы Менделеева в окружающей жизни. Чтобы развлечь аудиторию, захват железом атома серы изображается как грузинский народный танец под соответствующую музыку. В общем, перефразируя Ницше, убеждаешься в том, что химия – это весёлая наука.

Левостороннее движение

Как известно, движение в Великобритании является левосторонним, что увеличивает риск попасть под машину для незадачливых туристов. Поэтому на асфальте в местах перехода лондонских улиц написано, в какую сторону поворачивать голову. Однако описываемый конгресс также оказался «левосторонним». Достаточно посмотреть его программу, включающую симпозиум «Вклад Фридриха Энгельса в историю науки и техники» (состоял из двух сессий – в первой говорилось об актуальности работ Энгельса, а во второй анализировалась его «Диалектика природы»). Как известно, Энгельс долго жил в Манчестере (с 1842 по 1844 г. и с 1849 по 1869 г.), видел трущобы, в которых ютились рабочие, условия труда, эксплуатацию детей, грязь и антисанитарию и посылал свои заметки Карлу Марксу. Затем эти впечатления стали основой книги «Положение рабочего класса в Англии» (1845). Как говорил автору этих строк один французский коллега, историк (как и любой гуманитарий) по определению является человеком левых взглядов. Поневолле вспомнишь «Левый марш» Маяковского. Как уже отмечалось (см. «МГ» № 63 от 26.08.2009), марксистская интерпретация истории науки оказывается востребованной и в наше время.

Участникам конгресса была предложена великолепная культурная программа. Она включала экскурсию по университетскому городку (которую с блеском провёл профессор Джон Пикстон (J.Pickstone), посещение многочисленных музеев (в том числе Музея народной истории, посвящённого истории организованного рабочего движения), а также пивной фестиваль, где разные сорта пива и сидра носили знаменитые имена: «Происхождение Дарвина», «Айн Штайн», «Яблоко Ньютона», «Старый вычислитель Алана Тьюринга» (А.Тьюринг – создатель современных компьютеров, также живший в Манчестере). Был там и тёмный портрет «Рой Портер», названный в память замечательного английского историка медицины Роя Портера (Roy Porter, 1946-2002). Сопредседатель конгресса Джеймс Самнер (J.Sumner), проявив недюжинные актёрские способности, развлек публику рассказом о пиве, пивоварах и их проделках. Желающие могли тут же приобрести книгу по истории пивоварения с автографом автора.

Те, кто к пиву равнодушен, могли посмотреть документальный фильм Пола Роты (Paul Rotha) «Город говорит» («A City Speaks», 1947), снятый по заказу Манчестерского горсовета. Это удивительный чёрно-белый фильм, снятый в лучших традициях советской пропаганды (кумиром Роты был Пудовкин), где кадры народных гуляний сопровождается божественная музыка Рихарда Вагнера. Вспоминаются гениальные строки Маяковского: «Я стремился/ за 7000 вёрст вперед,/ а приехал/ на 7 лет назад». Только приехали не на 7, а на 70 лет назад.

В кулуарном разговоре вышеупомянутый Алексей Кожевников поделился своими планами объяснить медицинские утопии 1920-х годов (воскрешение или оживление умерших (реанимация), омоложение, продление жизни) опосредованным влиянием идей Эйнштейна. В воспоминаниях Романа Яковсона о Маяковском есть удивительные строки: «Весной 1920 г. я вернулся в закупоренную блокадой Москву. Привёз новые европейские книги, сведения о научной работе Запада. Маяковский заставил меня повторить несколько раз мой сбивчивый рассказ об общей теории относительности и о ширившейся вокруг неё в то время дискуссии. Освобождение энергии, проблематика времени, вопрос о том, не является ли скорость, обгоняющая световой луч, обратным движением во времени – всё это захватывало Маяковского. Я редко видел его таким внимательным и увлечённым. «А ты не думаешь, – спросил он вдруг, – что так будет завоёвано бессмертие?» Я посмотрел изумлённо, пробормотал что-то недоверчивое. Тогда с гипнотизирующим упорством, навверно знакомым всем, кто ближе знал Маяковского, он задвигал скулами: «А я совершенно убеждён, что смерти не будет. Буду воскрешать мёртвых. Я найду физика, который мне по пунктам растолкует книгу Эйнштейна. Ведь не может быть, чтоб я так и не понял. Я этому физику академический паёк платить буду». Для меня в ту минуту открылся совершенно другой Маяковский: требование победы над смертью владело им».

Следующий конгресс состоится летом 2017 г. в Рио-де-Жанейро.

Болеслав ЛИХТЕРМАН,
профессор кафедры истории
медицины, истории отечества
и культурологии Первого МГМУ
им. И.М.Сеченова,
доктор медицинских наук,
спец. корр. «МГ».

Манчестер – Москва.

НА СНИМКЕ: старые и новые корпуса Манчестерского университета.

ФКУ «Калининградская ПБСТИН»
Минздрава России
ТРЕБУЮТСЯ ВРАЧИ-ПСИХИАТРЫ.
Семейной паре специалистов предоставляется
благоустроенная служебная квартира.
Тел./факс **8 (401) 412-2261** – главный врач
8 (401) 412-2643 – отдел кадров

Наука за рубежом

«Негатив» передаётся по наследству

Образ и обстоятельства жизни мужчины могут оказывать эффект на генетическом уровне не только непосредственно на его детей, но и на многие последующие поколения потомков.

Как полагают авторы исследования, опубликованного в июльском номере The FASEB Journal, возникающие под влиянием различных факторов окружающей среды и вредных привычек, например курения, генетические мутации в мужских половых клетках влекут за собой изменения в ДНК всех клеток, в том числе и половых, нового организма. Эти мутации могут происходить в период задолго до зачатия ребёнка и впоследствии наследоваться следующими поколениями.

Группа исследователей из Маастрихтского университета (Нидерланды), норвежского Национального института общественного здравоохранения и Карлтонского университета (Канада) изучили генетический профиль семей, состоящих из отца, матери и ребёнка, разделив их на две группы в соответствии с уровнем годового дохода. Этот критерий был избран авторами, поскольку, как они посчитали, он по большей части коррелирует с более здоровым образом жизни отца. Например, главы семей с более низким доходом значительно чаще оказывались многолетними

курильщиками, чем отцы из более состоятельных семейств.

Анализируя наиболее подверженные мутациям участки митохондриальных ДНК у детей, авторы установили, что у тех из них, чьи отцы вели более здоровый образ жизни ещё до их зачатия, такие мутации встречаются значительно реже. В свою очередь, если отец курил за полгода до зачатия, то частота мутаций возрастает более чем в 4 раза.

Авторы называют своё исследование пилотным и надеются, что оно станет отправной точкой для более широкого изучения влияния факторов окружающей среды на мужские половые клетки и передачу негативного генетического материала по наследству.

Стоит отметить, что это не первое свидетельство значительно более важной, чем предполагали ранее, роли отцов в здоровье детей. Так, в июне 2013 г. исследователи из школы медицины при Университете штата Пенсильвания, проводя опыты на мышах, установили, что хронический стресс может вызывать генетические изменения в мужских половых клетках, последствием которых является нарушение функций нервной системы потомства в части реакции на стрессовые ситуации и повышение у него риска развития нейропсихиатрических заболеваний.

Предупредить послеродовую депрессию

Специалисты из Уорвикского университета (Великобритания) разработали первый генетический тест по анализу крови для превентивного выявления риска развития послеродовой депрессии (ПРД).

Ранее авторам разработки удалось выявить генетические маркеры предрасположенности к ПРД и определить гормональные триггеры, запускающие механизм заболевания. Дешевизна (оценивается, что стоимость теста составит всего 10 фунтов) и доступность теста, считают авторы, позволит женщинам из группы риска начать терапию ещё до родов.

Группа исследователей под руководством профессора Димитриса Грамматопулоса, изучая 200 беременных женщин, выявила случаи однонуклеотидного полиморфизма (SNP) – отличия последовательности ДНК размером в один нуклеотид – в структуре двух генов, связанных с повышением риска ПРД примерно в 5 раз. Речь идёт о генах NR3C1 и CRHR1, кодирующих гормональные рецепторы, задействованные в регуляции гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси, отвечающей за секрецию гормона кортизола в ответ на стресс.

По мнению авторов, чья работа была опубликована в журнале Journal of Psychiatric Research, изменение уровня эстрогена во время беременности повышает

чувствительность к кортизолу, но у большинства женщин после родов происходит «перезагрузка» и восстановление нормального гормонального баланса, а у носительниц генетической мутации этого не происходит, что и ведёт к ПРД.

Грамматопулос полагает, что массовый генетический скрининг на предрасположенность к ПРД по анализу крови может быть введён в рутинную практику обследования беременных, что позволит проводить раннюю диагностику и, соответственно, профилактическую терапию заболевания. Правда, в этом случае врачам придётся принимать решение о назначении антидепрессантов, исходя из баланса пользы для матери и плода. Влияние препаратов от депрессии на плод пока до конца не изучено.

По мнению авторов, автоматизация процесса позволит снизить стоимость тестирования, которая сейчас составляет около 40 фунтов стерлингов, до 10 фунтов. В настоящее время группа Грамматопулоса работает над выявлением новых SNP, связанных с риском ПРД, чтобы увеличить точность результатов тестирования.

Согласно статистическим данным, в первые 3 месяца после родов от ПРД страдает каждая седьмая женщина.

Подготовила
Ирина АНДРЕЕВА.
По информации Sky News.